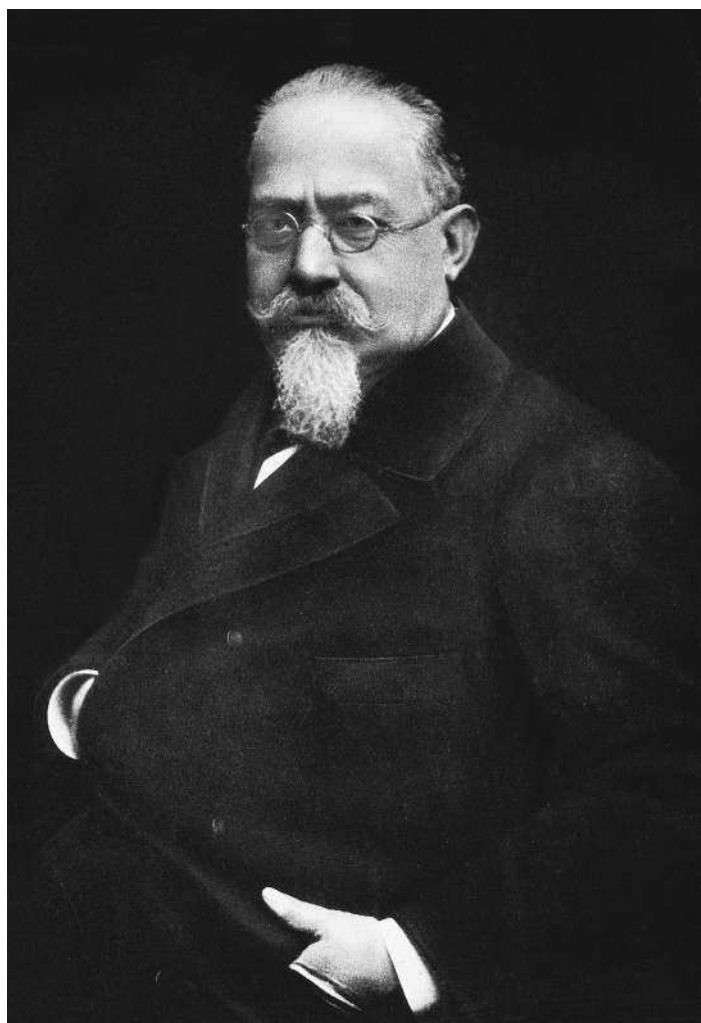

Чезаре Ломброзо (1835–1909)

Чезаре Ломброзо

ГЕНИАЛЬНОСТЬ И ПОМЕШАТЕЛЬНОСТЬ

Москва
Издательство АСТ

УДК 159.9

ББК 88.37

Λ74

Перевод оригинального издания:

Cesare Lombroso

Genio e follia

Ломброзо, Чезаре

Λ74 Гениальность и помешательство / Ч. Ломброзо; пер. с ит. Г.И. Тетюшиновой. — Москва: АСТ, 2017. — 316 с. — (*Тайны науки*).

ISBN 978-5-17-104169-4 (ООО «Издательство АСТ»)

Научный метод итальянского психиатра и новатора криминалистики Чезаре Ломброзо не нашел поддержки у современных ученых, однако проблема гениев и безумцев актуальности не утратила. Как современник множества выдающихся личностей — художников и писателей, ученых и правителей, — Ломброзо излагает оригинальный взгляд на окружавшую его интеллектуальную среду и предлагает множество смелых гипотез, подкрепляя каждую вполне достоверными фактами. Как историк, автор представляет кропотливо подобранные доказательства из биографий тех знаменитостей, с кем разминулся во времени.

Эта книга — приглашение к диахроническому спору о природе гения.

УДК 159.9

ББК 88.37

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

Когда, много лет тому назад, находясь как бы под влиянием экстаза (*raptus*), во время которого мне точно в зеркале с полной очевидностью представлялись соотношения между гениальностью и помешательством, я в 12 дней написал первые главы этой книги¹. Признаюсь, даже мне самому не было ясно, к каким серьезным практическим выводам может привести созданная мною теория. Я не ожидал, что она даст ключ к уразумению таинственной сущности гения и к объяснению тех странных религиозных маний, которые являлись иногда *ядром великих исторических событий*, что она поможет установить новую точку зрения для оценки художественного творчества гениев путем сравнения произведений их в области искусства и литературы с такими же произведениями помешанных и, наконец, что она окажет громадные услуги судебной медицине.

В таком важном практическом значении новой теории убедили меня мало-помалу как документальные работы Адриани, Паоли, Фриджеро, Максима Дюкана, Рива и Верга относительно развития артистических дарований у помешанных, так и громкие процессы последнего времени — Манжионе, Пассананте, Лазаретти, Гито, доказавшие всем, что мания писательства не есть только своего рода психиатрический курьез, но прямо особая форма душевной болезни и что одержимые ею субъекты, кажущиеся совершенно нормальными, являются тем более

¹ Гениальность и помешательство. Введение к курсу психиатрической клиники, прочитанному в Павианском университете. Милан, 1863.

опасными членами общества, что сразу в них трудно заметить психическое расстройство, а между тем они бывают способны на крайний фанатизм и, подобно религиозным маньякам, могут вызывать даже исторические перевороты в жизни народов. Вот почему заняться вновь рассмотрением прежней темы на основании новейших данных и в более широком объеме показалось мне делом чрезвычайно полезным. Не скрою, что я считаю его даже и смелым, ввиду того ожесточения, с каким риторы науки и политики, с легкостью газетных борзописцев и в интересах той или другой партии, стараются осмеять людей, доказывающих вопреки бредням метафизиков, но с научными данными в руках полную неувяемость, вследствие душевной болезни, некоторых из так называемых преступников и психическое расстройство многих лиц, считавшихся до сих пор, по общепринятому мнению, совершенно здравомыслящими. На язвительные насмешки и мелочные придирки наших противников мы, по примеру того оригинала, который для убеждения людей, отрицавших движение, двигался в их присутствии, ответим лишь тем, что будем собирать новые факты и новые доказательства в пользу нашей теории. Что может быть убедительнее фактов и кто станет отрицать их? Разве одни только невежды, но торжеству их скоро наступит конец.

Проф. Ч. Ломброзо
Турин, 1 января 1882 г.

Глава I

**ВВЕДЕНИЕ
В ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

В высшей степени печальна наша обязанность — с помощью неумолимого анализа разрушать и уничтожать одну за другой те светлые, радужные иллюзии, которыми обманывает и возвеличивает себя человек в своем высокомерном ничтожестве; тем более печальна, что взамен этих приятных заблуждений, этих кумиров, так долго служивших предметом обожания, мы ничего не можем предложить ему, кроме холодной улыбки сострадания. Но служитель истины должен неизбежным образом подчиняться ее законам. Так, в силу роковой необходимости он приходит к убеждению, что любовь есть, в сущности, не что иное, как взаимное влечение тычинок и пестиков... а мысли — простое движение молекул. Даже гениальность — эта единственная державная власть, принадлежащая человеку, пред которой не краснея можно преклонить колена, — даже ее многие психиатры поставили на одном уровне с наклонностью к преступлениям, даже в ней они видят только одну из тератологических (уродливых) форм человеческого ума, одну из разновидностей сумасшествия. И заметьте, что подобную профанацию, подобное кощунство позволяют себе не одни лишь врачи и не исключительно только в наше скептическое время.

Еще Аристотель, этот великий родоначальник и учитель всех философов, заметил, что под влиянием приливов крови к голове «многие индивидуумы делаются поэтами, пророками или прорицателями и что Марк Сиракузский писал довольно хорошие стихи, пока был маньяком, но, выздоровев, совершенно утратил эту способность».

Он же говорит в другом месте: «Замечено, что знаменитые поэты, политики и художники были частью меланхолики и помешанные, частью — мизантропы, как Беллерофонт. Даже и в настоящее время мы видим то же самое в Сократе, Эмпедокле, Платоне и других, и всего сильнее в поэтах. Люди с холодной, изобильной кровью (букв. желчь) бывают робки и ограничены, а люди с горячей кровью — подвижны, остроумны и болтливы».

Платон утверждает, что «бред совсем не есть болезнь, а, напротив, величайшее из благ, даруемых нам богами; под влиянием бреда дельфийские и додонские прорицательницы оказали тысячи услуг гражданам Греции, тогда как в обыкновенном состоянии они приносили мало пользы или же совсем оказывались бесполезными. Много раз случалось, что когда боги посылали народам эпидемии, то кто-нибудь из смертных впадал в священный бред и, делаясь под влиянием его пророком, указывал лекарство против этих болезней. Особый род бреда, возбуждаемого музами, вызывает в простой и непорочной душе человека способность выражать в прекрасной поэтической форме подвиги героев, что содействует просвещению будущих поколений».

Демокрит даже прямо говорил, что не считает истинным поэтом человека, находящегося в здравом уме. *Excludit sanos, Helicone poetas.*

Вследствие подобных взглядов на безумие древние народы относились к помешанным с большим почтением, считая их вдохновенными свыше, что подтверждается, кроме исторических фактов, еще и тем, что слова *mania* — по-гречески, *navi* и *mesugan* — по-еврейски, а *nigrata* — по-санскритски означают и сумасшествие, и пророчество.

Феликс Платер утверждает, что знал многих людей, которые, отличаясь замечательным талантом в разных искусствах, в то же время были помешанными.

Помешательство их выражалось нелепой страстью к похвалам, а также странными и неприличными поступками. Между прочим, Платер встретил при дворе пользовавшихся большой архитектурой, скульптора и музыканта, несомненно сумасшедших. Еще более выдающиеся факты собраны Ф. Газони в Италии, в «Больнице для неизлечимых душевнобольных». Сочине-

ние его переведено (на итальянский язык) Лонгоалем в 1620 году. Из более близких к нам писателей Паскаль постоянно говорил, что величайшая гениальность граничит с полнейшим сумасшествием, и впоследствии доказал это на собственном примере. То же самое подтвердил и Гекарт (*Hecart*) относительно своих товарищей, ученых и в то же время помешанных, подобно ему самому.

Наблюдения свои он издал в 1823 году под названием: «Стультициана, или Краткая библиография сумасшедших, находящихся в Валенсьене, составленная помешанным». Тем же предметом занимались Дельньер, страстный библиограф, в своей интересной *Histoire littéraire des fous* (1860), Форг — в прекрасном очерке, помещенном в *Revue de Paris* (1826), и неизвестный автор в «Очерках Бедлама» (*Sketches in Bedlam*. Лондон, 1873).

За последнее время Лелю — в *Démon de Socrate* (1856), и в *Amulet de Pascal* (1846), Верга — в *Lipemania del Tasso* (1850), и Ломброзо в *Pazzia di Cardano* (1856), доказали, что многие гениальные люди, например Свифт, Лютер, Кардано, Бругам и другие, страдали умопомешательством, галлюцинациями или были мономанами в продолжение долгого времени. Моро, с особенной любовью останавливающийся на фактах наименее правдоподобных, в своем последнем сочинении *Psychologia morbide* и Шиллинг в своих *Psychiatrische Briefe* 1863 года, пытались доказать при помощи тщательных, хотя и не всегда строго научных исследований, что гений есть, во всяком случае, нечто вроде нервной ненормальности, нередко переходящей в настоящее сумасшествие. Подобные же выводы, приблизительно, сделаны Гагеном в его статье «О сродстве между гениальностью и безумием» (*Über die Verwandtschaft Genies und Irresein*. Berlin. 1877) и отчасти также Юргеном Мейером (*Jurgen Meyer*) в его прекрасной монографии «Гений и талант».

Оба ученых, пытавшихся более точно установить физиологию гения, пришли путем самого тщательного анализа фактов к тем же заключениям, какие высказал более ста лет тому назад, скорее на основании опыта, чем строгих наблюдений, один итальянский иезуит, Беттинелли, в своей теперь уже совершенно забытой книге *Dell'entusiasmo nelle belle arti* (Милан, 1769).

Глава II

**СХОДСТВО ГЕНИАЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ С ПОМЕШАННЫМИ
в физиологическом отношении**

Как ни жесток и печален такого рода парадокс, но, рассматривая его с научной точки зрения, мы найдем, что в некоторых отношениях он вполне основателен, хотя с первого взгляда и кажется нелепым.

Многие из великих мыслителей подвержены, подобно помешанным, судорожным сокращениям мускулов и отличаются резкими, так называемыми хореическими, телодвижениями. Так, о Ленау и Монтескье рассказывают, что на полу у столов, где они занимались, можно было заметить углубления от постоянного подергивания их ног. Бюффон, погруженный в свои размышления, забрался однажды на колокольню и спустился оттуда по веревке совершенно бессознательно, как будто в припадке сомнамбулизма. Сантейль, Кребийон, Ломбардини имели странную мимику, похожую на гримасы. Наполеон страдал постоянным подергиванием правого плеча и губ, а во время припадков гнева — также и икр. «Я, вероятно, был очень рассержен, — сознавался он сам однажды после горячего спора с Лоу, — потому что чувствовал дрожание моих икр, чего со мной давно уже не случалось». Петр Великий был подвержен подергиваниям лицевых мускулов, ужасно искажавших его лицо.

«Лицо Кардуччи, — говорит Мантегацца, — по временам напоминает собою ураган: из глаз его сыплются молнии, а дрожание мускулов походит на землетрясение».

Ампер не мог иначе говорить, как ходя и шевеля всеми членами. Известно, что обычный состав мочи и в особенности содержание в ней мочевины заметно изменяется после мания-

кальных приступов. То же самое замечается и после усиленных умственных занятий. Уже много лет тому назад Гольдинг Берд сделал наблюдение, что у одного английского проповедника, всю неделю проводившего в праздности и только по воскресеньям с большим жаром произносившего проповеди, именно в этот день значительно увеличивалось в моче содержание фосфорнокислых солей, тогда как в другие дни оно было крайне ничтожно.

Впоследствии Смит многими наблюдениями подтвердил тот факт, что при всяком умственном напряжении увеличивается количество мочевины в моче, и в этом отношении аналогия между гениальностью и сумасшествием представляется несомненной.

На основании такого ненормального изобилия мочевины или, скорее, на основании этого нового подтверждения закона о равновесии между силой и материей, управляющего всем миром живых существ, можно вывести еще и другие, более изумительные аналогии: например, седина и облысение, худоба тела, а также плохая мускульная и половая деятельность, свойственные всем помешанным, очень часто встречаются и у великих мыслителей. Цезарь боялся бледных и худых Кассиев. Д'Аламбер, Фенелон, Наполеон были в молодости худы как скелеты. О Вольтере Сегюр пишет: «Худоба доказывает, как много он работает; изможденное и согбенное тело его служит только легкой, почти прозрачной оболочкой, сквозь которую как будто видишь душу и гений этого человека».

Бледность всегда считалась принадлежностью и даже украшением великих людей. Кроме того, мыслителям наравне с помешанными свойственны: постоянное переполнение мозга кровью (гиперемия), сильный жар в голове и охлаждение конечностей, склонность к острым болезням мозга и слабая чувствительность к голоду и холоду.

О гениальных людях, точно так же, как и о сумасшедших, можно сказать, что они всю жизнь остаются одинокими, холодными, равнодушными к обязанностям семьянина и члена общества. Микеланджело постоянно твердил, что его *искусство замечает ему жену*. Гёте, Гейне, Байрон, Челлини, Наполеон, Ньютон, хотя и не говорили этого, но своими поступками доказывали еще

нечто худшее. Нередки случаи, когда вследствие тех же причин, которые так часто вызывают сумасшествие, т. е. вследствие болезней и повреждений головы, самые обыкновенные люди превращаются в гениальных. Вико в детстве упал с высочайшей лестницы и раздробил себе правую теменную кость. Гратри, вначале плохой певец, сделался знаменитым артистом после сильного ушиба головы бревном. Мабильон, смолodu совершенно слабоумный, достиг известности своими талантами, которые развились в нем вследствие полученной им раны в голову.

Галль, сообщивший этот факт, знал одного датчанина-полуидиота, умственные способности которого сделались блестящими после того, как он, тринадцати лет, свалился с лестницы головою вниз¹. Несколько лет тому назад один кретин из Савойи, укушенный бешеной собакой, сделался совершенно разумным человеком в последние дни своей жизни. Доктор Галле знал ограниченных людей, умственные способности которых необыкновенно развились вследствие болезней мозга (*midollo*).

«Очень может быть, что моя болезнь (болезнь спинного мозга) придала моим последним произведениям какой-то ненормальный оттенок», — говорит с удивительной прозорливостью Гейне в одном из своих писем. Нужно, впрочем, прибавить, что болезнь отразилась таким образом не только на его последних произведениях, и он сам признавал это. Еще за несколько месяцев до усиления своей болезни Гейне писал о себе (*Correspondance inédite. Paris, 1877*): «Мое умственное возбуждение есть скорее результат болезни, чем гениальности — чтоб хотя немного утишить мои страдания, я сочинял стихи. В эти ужасные ночи, обезумев от боли, бедная голова моя мечется из стороны в сторону и заставляет звенеть с жестокой веселостью бубенчики изношенного дурацкого колпака».

Биша и фон дер Кольт заметили, что у людей с искривленной шеей ум бывает живее, чем у людей обыкновенных. У Ко-

¹ Покойный митрополит Московский Макарий, отличавшийся замечательно светлым умом, был до того болезненным и тупым ребенком, что совершенно не мог учиться. Но в семинарии кто-то из товарищей, во время игры, прошиб ему голову камнем, и после того способности Макария сделались блестящими, а здоровье совершенно поправилось. — *Прим. пер.*

нолли был один больной, умственные способности которого возбуждались во время операций над ним, и несколько таких больных, которые проявляли особенную даровитость в первые периоды чахотки и подагры. Всем известно, каким остроумием и хитростью отличаются горбатые; Рокитанский пытался даже объяснить это тем, что у них аорта, дав сосуды, идущие к голове, делает изгиб, вследствие чего является расширение объема сердца и увеличение артериального давления в черепе.

Этой зависимостью гения от патологических изменений отчасти можно объяснить любопытную особенность гениальности по сравнению с талантом, в том отношении, что она является чем-то бессознательным и проявляется совершенно неожиданно.

Юрген Мейер говорит, что талантливый человек действует строго обдуманно; он знает, как и почему он пришел к известной теории, тогда как гению это совершенно неизвестно: всякая творческая деятельность бессознательна.

Гайдн приписывал таинственному дару, ниспосланному свыше, создание своей знаменитой оратории «Сотворение мира». «Когда работа моя плохо подвигалась вперед, — говорил он, — я, с четками в руках, удалялся в молельню, прочитывал Богородицу — и вдохновение снова возвращалось ко мне».

Итальянская поэтесса Милли во время создания, почти невольного, своих чудных стихотворений волнуется, кричит, поет, бегает взад и вперед и как будто находится в припадке эпилепсии.

Те из гениальных людей, которые наблюдали за собою, говорят, что под влиянием вдохновения они испытывают какое-то невыразимо-приятное лихорадочное состояние, во время которого мысли невольно рождаются в их уме и брызжут сами собою, точно искры из горящей головы.

Это прекрасно выразил Данте в следующих трех строках:

*...I mi son un che, quando
Amore spira, noto ed in quel modo
Che detta dentro vo significando.*

(Вдохновляемый любовью, я говорю то, что она подсказывает мне.)